

АЛЕКС СКАЙ

ПОРТАЛЫ В ДРУГИЕ МИРЫ

АЗЛОРИЯ	ОТКРЫТ
ВЕЛГАРД	ПОСАДКА
НЭРИОН	ЧЕРЕЗ 5 МИН
ТАЛЬДАР	ОТКРЫТ
СОЛЬВЕЙН	ПОСАДКА

← ПЛАТФОРМЫ
1-6

ПАСПОРТ
ПОРТАЛА
КОНТРОЛЬ
БЕЗОПАСНОСТИ

ПОПАДАНКА

на станции между мирами

ДРАКОН, ВАШ ПОРТАЛ ЗАКРЫТ!

Алекс Скай

**Попаданка на станции
между мирами. Дракон,
ваш портал закрыт!**

«Автор»

2026

Скай А.

Попаданка на станции между мирами. Дракон, ваш портал закрыт!
/ А. Скай — «Автор», 2026

Сорок три пассажира вошли в портал. Никто не вышел. Кроме меня. Я всего лишь хотела закончить обычную рабочую смену. Вместо этого очнулась на станции между мирами — там, где из портала бесследно исчезли сорок три пассажира, а вместо них появилась я. Теперь начальник безопасности Рейнар Керн, холодный и слишком внимательный дракон, должен выяснить, кто я: свидетель, виновница или новая угроза терминалу. Но есть проблема посерьёзнее. Сама станция почему-то знает Землю. И называет меня «оператором Земли». Чтобы вернуть пропавших, мне придётся работать вместе с драконом, который доверяет правилам больше, чем людям. И выяснить, кто открыл маршрут, которого не должно существовать.

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. СОРОКТРИ ПРОПАВШИХ	5
ГЛАВА 2. МИР, КОТОРОГО НЕТ	14
Глава 3. ДЕВЯНОСТО СЕМЬ СЕКУНД	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алекс Скай

Попаданка на станции между мирами. Дракон, ваш портал закрыт!

Глава 1. СОРОКТРИ ПРОПАВШИХ

Первым я увидела число сорок три.

Оно горело высоко над головой на огромном табло, слишком ярком для помещения, в котором почему-то не было ни одного привычного электрического светильника. Под цифрой тянулась строка незнакомых знаков. Я ещё не понимала, что они означают, но сами цифры были вполне человеческими и оттого особенно неуместными.

Чуть ниже стоял ноль.

Вокруг меня кто-то кричал.

Я сидела на холодном полу, упираясь ладонью в гладкую плиту цвета тёмного металла, и несколько секунд пыталась заставить происходящее сложиться хотя бы в какую-нибудь разумную картину. Последнее, что я помнила ясно, — рабочий зал, свет информационных экранов, раздражённый голос сотрудника по связи и привычное ощущение, что сразу в трёх местах что-то идёт не по графику.

Потом — резкая вспышка.

А теперь надо мной поднимался свод такой высоты, что сначала я решила: крыши вообще нет.

Гигантские каменные арки уходили вверх и терялись в золотисто-синем свечении. Между ними висели прозрачные табло, по которым бежали строки непонятных символов. По полу расходились тонкие светящиеся линии, напоминавшие разметку большого транспортного узла, только ни одна служба Москвы, которую я знала, не тратила бы деньги на дорожки, светящиеся изнутри.

За несколько метров от меня возвышалась ещё одна арка.

Эта была другой.

Внутри неё не было стены, двери или прохода. Там дрожал густой серебристый свет, словно кто-то поставил вертикально поверхность воды и заставил её держаться в воздухе.

Я смотрела на неё чуть дольше, чем следовало.

Потом услышала:

— ...седьмой контур закрыть! Немедленно! Никого не пропускать!

Слова сначала показались набором чужих звуков. Я даже успела подумать, что язык мне совершенно незнаком, однако спустя пару секунд смысл каким-то невозможным образом стал понятным. Не перевод в голове и не воспоминание: я просто вдруг знала, что именно сказал мужчина в тёмной форме.

Это было настолько неправильно, что я предпочла пока не думать об этом.

Когда вокруг тебя происходит слишком много невозможного, приходится выбирать одно и разбираться хотя бы с ним.

Я поднялась на ноги.

Мир на мгновение качнулся, но быстро встал на место. Рядом со мной никого не было: люди держались на расстоянии нескольких метров, будто я лежала не на полу, а в центре опасной зоны.

Двое в тёмно-синих мундирах стояли ближе остальных. Один держал ладонь возле светящегося металлического браслета, второй смотрел попеременно то на меня, то на серебряную арку.

— Где остальные? — резко спросила женщина у большого пульта.

— Нет выхода на принимающей стороне.

— Повторная проверка.

— Уже трижды.

— Тогда четвёртая.

Я машинально посмотрела вверх.

На табло рядом с цифрами теперь появились слова, которые вдруг тоже стали понятны.

ОТПРАВЛЕНО: 43.

ПРИБЫЛО: 0.

Я нахмурилась.

Сорок три человека отправились куда-то через эту светящуюся штуку.

Не прибыл никто.

А рядом с ней появилась я.

Осознание пришло неприятно быстро.

— Что произошло? — спросила я.

Сразу несколько человек обернулись.

Никто не ответил.

— Я задала довольно простой вопрос.

Женщина за пультом первой пришла в себя.

— Не двигайтесь.

Это прозвучало не как просьба.

— Я и так почти не двигаюсь.

— Оставайтесь на месте.

Я посмотрела вниз. Светящаяся линия на полу проходила сантиметрах в двадцати от моих туфель и образовывала вокруг порталной арки широкий полукруг. За ним стояли люди.

С другой стороны быстро освобождали площадку. Женщина с небольшим ребёнком торопливо уходила вслед за сотрудником станции, пожилой мужчина возмущённо что-то требовал, ещё двое пассажиров снимали с плеч странные цилиндрические сумки.

И никто не пересекал светящуюся границу.

Кроме меня.

— Я хотя бы могу узнать, где нахожусь?

Один из мужчин в форме переглянулся со вторым.

— Назовите сектор происхождения.

— Что?

— Ваш сектор происхождения.

— Москва.

Его лицо осталось совершенно спокойным.

— Такой сектор мне неизвестен.

— Это город.

— Какой мир?

Я несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, шутит ли он.

Он не шутил.

— Земля.

Мужчина повернулся к напарнику.

— Проверь.

Тот коснулся браслета. Над его запястьем развернулась небольшая полупрозрачная плоскость, заполненная строками знаков.

Я уставилась на неё.

Устройства с такими возможностями я раньше не видела. И всё ещё могла бы убедить себя, что попала на какую-то невероятную закрытую демонстрацию, съёмочную площадку или выставку технологий, если бы не арка за спиной.

Свет внутри неё двигался.

Не мерцал.

Именно двигался.

В глубине на секунду показалась совершенно чужая перспектива — тёмное небо, две тонкие башни и какая-то огромная птица, пронёсшаяся между ними.

Изображение исчезло.

Я медленно повернулась обратно.

— Не найдено, — сказал мужчина с браслетом.

— Что именно?

Он посмотрел на меня.

— Земля.

Где-то внутри поднялся холод, но я заставила себя сосредоточиться на окружающем. Паника никогда не помогала, когда в зале одновременно задерживалось несколько направлений и сотни людей хотели получить ответ немедленно. Здесь масштаб проблемы был несколько иным, однако мозг привычно цеплялся за конкретные вещи.

Платформа.

Табло.

Поток людей.

Сотрудники.

Зона ограничения доступа.

Исчезнувшие пассажиры.

Если думать об этом как о рабочей ситуации, становилось чуть легче.

Если думать о словах «вашего мира нет», становилось значительно хуже.

— Сорок три человека вошли туда? — я кивнула на серебристую арку.

Женщина у пульта резко подняла голову.

— Откуда вам известно количество?

— С табло.

Несколько лиц снова повернулись вверх, будто до этой секунды никто не ожидал, что я умею читать цифры.

— Это пассажиры одного рейса?

— Рейса? — переспросил мужчина.

Я указала на арку.

— Они все проходили через это одновременно?

— Вы знаете, что это?

Вопрос задал уже другой голос.

Спокойный.

Не громче остальных, однако после него разговоры вокруг почему-то почти сразу стихли.

Люди расступились.

Мужчина, который шёл к нам со стороны центрального зала, был высоким настолько, что я заметила это даже на расстоянии. Тёмная форма сидела на нём без единой лишней детали; только на воротнике и плечах проходила тонкая золотистая линия. Волосы почти чёрные, короткие, без попыток выглядеть эффектно. Лицо человека, который давно привык к тому, что при его появлении окружающие перестают спорить и начинают докладывать.

Особенно запомнились глаза.

Сначала мне показалось, что серые.

Потом он оказался ближе, и я увидела в них странный золотистый оттенок.

Впрочем, в текущих обстоятельствах цвет глаз незнакомого мужчины находился далеко не в верхней части моего списка проблем.

Он остановился у светящейся линии.

— Доклад.

Женщина у пульта заговорила сразу:

— Портал семь. Отправление прошло штатно. Сорок три зарегистрированных пассажира вошли в окно перехода. Принимающий узел не подтвердил прибытие. Через одиннадцать секунд произошло повторное раскрытие контура, после чего появилась она.

Последнее слово относилось ко мне.

Я сложила руки на груди.

Не потому что собиралась демонстрировать характер, а потому что в данный момент очень хотелось хоть чем-нибудь занять руки.

Мужчина посмотрел на табло.

— Сигнатуры?

— Исчезли после входа.

— Возврат?

— Не зарегистрирован.

— Сбой принимающей стороны?

— Отрицают.

— Независимая проверка?

— Уже идёт.

Он задавал вопросы быстро, но не торопливо. Никого не перебивал и не повторял сказанное другими. После каждой реплики становилось чуть понятнее, что именно вокруг делают люди.

Затем он посмотрел на меня.

— Имя.

Ни приветствия, ни представления.

В другое время меня бы это раздражило сильнее.

— Дарья Воронова.

— Происхождение.

— Уже отвечала. Москва, Земля.

Он на секунду задержал взгляд на сотруднике с браслетом.

— В реестре такого направления нет, — сообщил тот.

— Расширенный поиск.

— Сделан.

Мужчина снова посмотрел на меня.

— Как вы оказались на седьмой платформе?

— Если узнаете, обязательно расскажите мне.

Один из сотрудников рядом едва заметно изменился в лице.

Мужчина передо мной — нет.

— Вы помните вход в портал?

— Я до сегодняшней... — я осеклась.

До сегодняшней минуты?

До сегодняшнего дня?

Я даже не была уверена, что здесь тот же день.

— Я никогда раньше не видела порталов.

— Но знаете название.

— Вы произнесли его уже несколько раз.

В его глазах что-то изменилось. Не подозрение исчезло — до этого было очень далеко. Скорее он отметил ответ и положил его в какую-то внутреннюю папку.

— Что вы помните последним?

Вот тут ответить оказалось сложнее.

Я посмотрела на светящиеся линии у себя под ногами и заставила память вернуться туда, где всё ещё было нормально.

Рабочая смена.

Экран.

Сообщение о задержке.

Я шла через служебную часть зала и смотрела в сторону информационного табло.

Потом свет.

Не такой, как здесь. Белый, резкий.

И всё.

— Я была на работе.

— Где?

— В Москве.

— В вашем несуществующем городе.

— Он существовал ещё совсем недавно.

Рядом кто-то негромко выдохнул.

Мужчина не отреагировал.

— Чем вы занимались?

— Руководила сменой транспортного узла.

На этот раз он слегка приподнял бровь.

— Транспортного?

Я кивнула в сторону огромного зала:

— Люди приезжают, уезжают, опаздывают, теряются, спорят с персоналом и считают, что правила написаны для кого-то другого. Думаю, общий принцип мне знаком.

В первый раз в его выражении мелькнуло нечто похожее на сухое удивление.

— Вы считаете это место транспортным узлом?

— У вас есть платформы, расписание, пассажиры, зоны контроля и направления. Если это храм, у него подозрительно хорошая логистика.

Слева кто-то кашлянул.

Мужчина всё-таки представился:

— Рейнар Керн. Начальник безопасности Центрального терминала.

Центрального терминала.

Я ухватила за единственную часть фразы, которая хотя бы что-то объясняла.

— Какого терминала?

— Межмирового.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы решить, не ослышалась ли я.

— Между какими мирами?

— Это сейчас не самый важный вопрос.

— Для вас, возможно.

— Для вас тоже.

Он повернул голову к portalу.

— Сорок три человека исчезли во время перехода. Вы появились из того же контура через одиннадцать секунд. На данный момент между этими событиями нельзя исключить связь.

Формулировка была почти безупречной.

Не «вы виноваты».

Не «вы подозреваемая».

Просто факт, против которого я сама не могла ничего возразить.

Это раздражало сильнее прямого обвинения.

— Я не имею отношения к вашим пассажирам.

— Я этого не утверждал.

— Но именно это вы проверяете.

— Разумеется.

Он сказал это так спокойно, что я на мгновение замолчала.

Если бы на моём прежнем рабочем месте после исчезновения сорока трёх пассажиров из закрытого сектора появилась неизвестная женщина и заявила, что пришла из места, которого нет ни в одной базе, я бы тоже не вручила ей пропуск и не пожелала приятной прогулки.

Понимание логики Рейнара никак не делало ситуацию приятнее.

Я снова посмотрела на табло.

— Куда они направлялись?

— Это закрытая информация.

— Тогда задайте вопрос сами.

— Какой?

Я указала на цифры.

— Система считает их отправленными. Значит, она зафиксировала момент входа?

Рейнар посмотрел на табло, потом на меня.

— Да.

— А прибытие фиксирует другая сторона?

— Да.

— Что находится между этими двумя фиксациями?

На несколько секунд стало неожиданно тихо.

Женщина за пультом перестала касаться светящихся символов.

Рейнар ответил первым:

— Переход.

— Я поняла. Но система отслеживает человека внутри него?

— Нет.

— То есть у вас есть точка, где пассажир вошёл, и точка, где должен выйти. Между ними вы его не видите.

— В нормальном переходе это не требуется.

Я невольно усмехнулась, хотя весёлого не было ничего.

— В любой транспортной системе всё, что «в норме не требуется», однажды становится самым важным местом.

Рейнар смотрел на меня уже иначе.

Совсем немного.

Но я заметила.

— Вы часто теряете сорок три пассажира? — спросила я.

— Мы не теряем пассажиров.

— Сегодня потеряли.

Его лицо не изменилось, однако вокруг словно стало холоднее.

— Именно поэтому я хочу выяснить, почему одновременно с этим событием здесь появились вы.

— И я хочу выяснить то же самое.

— Хорошо.

Одно слово, но впервые оно прозвучало так, словно мы хотя бы на несколько секунд оказались по одну сторону одной проблемы.

Он повернулся к женщине у пульта:

— Полное закрытие седьмой платформы. Входящие направления перенести. Всех, кто находился в секторе за десять минут до перехода, зарегистрировать и опросить. Журналы доступа закрыть от изменений до моего разрешения.

— Уже делаем.

— Принимающую сторону оставить на линии.

— Они утверждают, что портал с их стороны вообще не открывался.

Рейнар замер.

Я увидела, как его взгляд вернулся к табло.

— Повторите.

— Их узел не зарегистрировал открытие. Они получили запрос на прибытие, но самого перехода в журнале нет.

Вот теперь изменились лица почти у всех.

Даже мне стало понятно: это хуже, чем просто исчезновение.

— Значит, ваши сорок три человека вошли в дверь, которая с другой стороны не открывалась, — сказала я.

Женщина у пульта бросила на меня раздражённый взгляд.

Рейнар — нет.

— Слишком грубое сравнение.

— Зато понятное.

— И пока неточное.

— Тогда дайте точное.

Он собирался что-то ответить, но в этот момент над платформой сменился свет.

Серебристое сияние портала погасло почти полностью. По арке пробежали тонкие золотые символы, а затем внутренняя поверхность стала тёмной и неподвижной.

Табло над нами мигнуло.

Цифры остались прежними.

ОТПРАВЛЕНО: 43.

ПРИБЫЛО: 0.

Я не знала этих людей.

Не видела их лиц.

Не слышала голосов.

Но слишком хорошо знала, как выглядит строка статистики для тех, кто находится с другой стороны.

За каждой цифрой кто-то ждёт.

Кто-то должен был встретить этих сорока трёх.

Кто-то сейчас смотрит на свой аналог табло и не понимает, почему время прибытия прошло, а человек не появился.

От этой мысли всё происходящее вдруг стало значительно реальнее.

— Их ищут? — спросила я.

— С момента исчезновения, — ответил Рейнар.

— Сколько времени прошло?

— Четырнадцать минут.

Мне казалось, намного больше.

— А я появилась через одиннадцать секунд.

— Да.

— И с тех пор портал больше никого не выпускал?

— Нет.

Я задумалась.

— Вы сказали, что система не знает Землю.

— Не знает.

— Но меня она каким-то образом сюда пропустила.

— Именно это мы сейчас проверим.

Он кивнул сотруднику рядом.

Тот подошёл к небольшому пульта, который до этого я не замечала. В отличие от основного оборудования платформы, он выглядел почти просто: плоская тёмная поверхность, над которой после прикосновения появилось несколько светящихся строк.

— Это что?

— Регистрация прибывшего, — объяснил Рейнар. — Любой человек, прошедший через терминал, оставляет запись о точке отправления.

— Даже если документы отсутствуют?

— Особенно если документы отсутствуют.

Звучало логично.

И почему-то мне стало не по себе.

До сих пор существовала слабая возможность, что проблема заключалась в названии. Может быть, здесь Землю называли иначе. Может быть, система не понимала слово «Москва». Может быть, весь этот невероятный терминал находился на той же планете, только я каким-то совершенно необъяснимым образом ничего о нём не знала.

Глупые версии.

Но они были хотя бы версиями.

Рейнар указал на панель.

— Положите ладонь сюда.

— Это безопасно?

— Да.

Я посмотрела на него.

— От человека, который считает меня возможной причиной исчезновения сорока трёх пассажиров, хотелось бы более подробной гарантии.

— Панель только считывает маршрутную запись. Если бы я собирался причинить вам вред, мне не требовалось бы притворяться, что это регистрация.

Я несколько секунд изучала его лицо.

— Умеете успокаивать.

— Это не входит в мои обязанности.

Почему-то именно эта фраза окончательно убедила меня.

Я положила ладонь на панель.

Сначала ничего не произошло.

Потом под кожей поверхности вспыхнули тонкие золотые линии.

Одна.

Вторая.

Третья.

Они соединились под моей ладонью, а над пультом появилась прозрачная плоскость.

На ней возникло моё имя.

Не знаками, которые я только каким-то образом понимала.

Обычными буквами.

ДАРЬЯ ВОРОНОВА.

Я невольно подалась вперёд.

— Откуда она знает моё имя?

Рейнар не ответил.

Он смотрел на вторую строку.

Та оставалась пустой.

Сотрудник у пульта нахмурился и повторно коснулся боковой панели.

Система мигнула.

Имя сохранилось.

Ниже появился заголовок:

ТОЧКА ОТПРАВЛЕНИЯ:

И снова пустота.

— Ещё раз, — сказал Рейнар.

Сотрудник повторил проверку.

Панель под моей ладонью потеплела, золотые линии вспыхнули ярче.

На мгновение мне показалось, что сейчас появится долгожданное слово «Земля», и от одного этого всё станет хоть немного понятнее.

Вместо него система вывела новую строку.

ТОЧКА ОТПРАВЛЕНИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

Никто ничего не сказал.

Я посмотрела на женщину у основного пульта. На двух сотрудников безопасности. Потом на Рейнара.

До этого каждый из них хотя бы что-то делал.

Теперь все стояли неподвижно.

— Судя по вашим лицам, — произнесла я, — это не обычная ошибка.

Рейнар медленно перевёл взгляд с панели на меня.

В его серо-золотистых глазах впервые за всё время появилось что-то, чего раньше не было.

Не подозрение.

Не раздражение.

Настороженность человека, который увидел невозможное собственными глазами.

— Нет, Дарья Воронова, — тихо сказал он. — Ошибкой было бы неверное название вашего мира.

Он снова посмотрел на строку, где должна была находиться точка отправления.

— А здесь система утверждает, что места, из которого вы сюда пришли, вообще не существует.

ГЛАВА 2. МИР, КОТОРОГО НЕТ

Слова Рейнара не сразу уложились в голове.

Я продолжала держать ладонь на тёмной панели, хотя золотые линии под ней уже погасли. Перед глазами всё ещё висела полупрозрачная надпись:

ТОЧКА ОТПРАВЛЕНИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

— Нет, — сказала я наконец.

Не потому, что у меня появился убедительный аргумент. Просто существовали вещи, с которыми сознание отказывалось соглашаться без сопротивления.

Рейнар слегка нахмурился.

— Что именно «нет»?

— Места, из которого я пришла, не может не существовать.

— Я не сказал, что его не существует.

— Минуту назад сказали именно это.

— Я сказал, что система не способна определить его существование.

— Огромная разница.

— В данном случае — существенная.

Мне хотелось возразить, но я остановилась. Он был прав хотя бы в одном: если незнакомое устройство чего-то не находило, это ещё не означало, что Москва исчезла вместе со всей Землёй.

От этой мысли стало немного легче.

Совсем немного.

Я убрала ладонь с панели.

— Проверка закончена?

— Эта — да.

— А сколько их ещё будет?

— Столько, сколько понадобится.

— Прекрасно.

Рейнар посмотрел на сотрудника у регистрационного устройства.

— Сохраните исходный результат отдельно. Никаких повторных записей поверх него.

— Уже.

— Доступ?

— Только служба безопасности и вы.

— Добавьте внутренний контроль.

Он говорил так, будто я перестала существовать, но теперь хотя бы понимала причину. Строка с моим именем стала для него не менее важной, чем я сама.

Наверное, даже важнее.

На моём прежнем месте работы после серьёзного сбоя происходило примерно то же самое. Сначала фиксировались журналы, записи камер, действия сотрудников, изменения в системе. Людей начинали подробно расспрашивать чуть позже, когда появлялась гарантия, что никто случайно или намеренно не перепишет историю произошедшего.

Сам факт, что я узнавала логику происходящего, успокаивал.

Не сильно.

Но сейчас я была готова принимать любые крупинки нормальности.

— Господин Керн, — позвала женщина у основного пульта.

Он повернулся.

— Принимающий узел передал полный журнал. Подтверждения раскрытия нет. Они готовы открыть технический канал для совместной проверки.

— Пусть открывают. Седьмой контур не активировать ни при каких обстоятельствах.

— Принято.

— И уберите людей из соседнего сектора ещё на две платформы.

Женщина удивилась.

— Восьмая уже закрыта. Если освободим шестую...

— Освободите.

Она коротко кивнула.

Я проследила взглядом, как сотрудники начали менять движение людей. Где-то вдали вспыхнули новые стрелки на полу, поток пассажиров разделился, несколько светящихся табло почти одновременно изменили содержание.

Ничего из этого я не понимала до конца, однако одно бросилось в глаза.

Рейнар не верил, что опасность ограничена одной аркой.

И это мне совсем не понравилось.

— Нам нужно идти, — сказал он.

— Куда?

— Туда, где мы сможем поговорить без двух сотен свидетелей.

Я оглянулась.

Пока мы выясняли, существует ли мой мир, платформа заметно опустела. За светящейся границей всё ещё находилось немало людей, но их продолжали отводить дальше. Некоторые оборачивались. Кто-то смотрел на погасший портал, кто-то на меня.

Я не могла их винить.

Если бы на моих глазах исчезли сорок три человека, а через несколько секунд на том же месте появилась неизвестная женщина, я бы тоже запомнила её лицо.

— Я арестована?

Рейнар не ответил сразу.

— Пока нет.

— Очень обнадеживает это «пока».

— Я предпочитаю точные формулировки.

— Уже заметила.

Он сделал короткий жест одному из сотрудников безопасности.

Тот встал справа от меня.

Не слишком близко, но достаточно, чтобы смысл был очевиден.

Я посмотрела на Рейнара.

— А это тоже точная формулировка?

— Предосторожность.

— От меня?

— В том числе.

— А от чего ещё?

— Это я и пытаюсь установить.

Спорить дальше не имело смысла.

К тому же я сама хотела оказаться подальше от седьмого портала.

Мы пересекли светящуюся линию.

Я ожидала какого-нибудь ощущения, но ничего не произошло. Просто шаг — и я оказалась среди людей, которые несколько минут назад держались от меня как можно дальше.

Одна женщина отступила в сторону.

Совсем чуть-чуть.

Я всё равно заметила.

Пришлось напомнить себе, что она не знает обо мне больше, чем я сама. Возможно, даже меньше.

Главный зал открылся передо мной уже с другой стороны, и теперь, когда не нужно было одновременно следить за угрожающими мне сотрудниками, я смогла рассмотреть его внимательнее.

Если это действительно был вокзал — пусть даже между мирами, — его проектировал человек с явной склонностью к грандиозности.

Высокие арки делили пространство на длинные галереи. Некоторые были пустыми, в других мерцали поверхности самых разных оттенков: голубого, золотого, зелёного. Перед ними двигались пассажиры.

И вот тут мне впервые стало по-настоящему трудно поддерживать версию о невероятно дорогой постановке.

По залу шёл мужчина, у которого кожа имела отчётливый серебристый оттенок. Рядом с ним двигалась невысокая женщина с тонкими узорами на висках, которые светились в такт её шагам. Чуть дальше я заметила ребёнка с волосами цвета молодой травы и решила больше ни на кого специально не смотреть.

На сегодня мне и без того хватало открытий.

— Смотрите под ноги, — негромко сказал Рейнар.

Я опустила взгляд.

Светящаяся линия, по которой мы шли, разделилась на три направления.

— Они меняются?

— Да.

— В зависимости от маршрутов?

Он посмотрел на меня.

— В том числе.

— Удобно.

— Обычно.

Последнее слово заставило меня повернуться к нему.

Он не шутил.

И всё же именно это «обычно» неожиданно напомнило мне: сегодняшний день не был нормальным и для них.

Не только для меня.

Мы прошли ещё несколько залов и вошли в более узкий коридор. Пассажиров здесь почти не было. Вместо открытых арок появились тёмные двери со светящимися обозначениями.

Перед одной из них Рейнар остановился.

Панель рядом с дверью отреагировала на его присутствие, створка бесшумно ушла в стену.

— Проходите.

— А вы точно начальник безопасности, а не человек, которого специально поставили говорить неприятные вещи максимально вежливо?

— Эти обязанности иногда совпадают.

Я вошла.

Комната оказалась неожиданно простой.

Большой стол, несколько кресел, гладкая стена с панелью, две двери. Ни решёток, ни пугающих приспособлений, ни других очевидных признаков помещения для допросов.

Впрочем, отсутствие решёток ещё ничего не доказывало.

Сотрудник, сопровождавший нас, остался у входа.

Рейнар указал на кресло.

— Садитесь.

— Я могу постоять.

— Можете.

Я села.

Не хотелось превращать каждое предложение в демонстрацию независимости.

Рейнар занял место напротив.

Между нами вспыхнула тонкая световая поверхность, но вместо непонятных символов я увидела уже знакомое:

ДАРЬЯ ВОРОНОВА.

Ниже:

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: НЕ УСТАНОВЛЕНО.

Мне категорически не нравилась эта формулировка.

— Начнём сначала, — сказал Рейнар.

— Мы уже начали.

— На платформе я устанавливал непосредственную угрозу. Теперь мне нужна последовательность событий.

— У меня нет последовательности.

— Есть. Просто очень короткая.

Я откинулась на спинку кресла.

— Хорошо. Что хотите узнать?

— Всё, что вы помните до появления на седьмой платформе.

— Я уже рассказала.

— Вы сказали, что находились на работе.

— Да.

— Начните раньше.

— Насколько?

— С того момента, который считаете последним полностью обычным.

Я задумалась.

Память никуда не исчезла. Проблема заключалась в другом: всё, что раньше казалось совершенно неважным, теперь вдруг приобрело потенциальное значение.

Я находилась на работе.

Шла обычная смена.

У нас были задержки.

Один участок работал хуже обычного.

Кто-то спорил из-за перенаправления потока пассажиров.

Ничего такого, после чего человек должен очнуться на станции между мирами.

— Я руководила сменой, — начала я. — День был сложный, но не необычный. Несколько задержек, изменение движения людей, перегруженный участок.

— Причина?

— Вам действительно нужны транспортные проблемы Москвы?

— Мне нужно всё, что произошло перед вашим появлением здесь.

Я вздохнула.

— Хорошо. Один поток пришлось перенаправить. В другом месте возникла задержка. Я шла через служебный сектор и смотрела на информационное табло. Потом увидела яркий свет.

— Откуда он исходил?

— Не знаю.

— Вы слышали что-нибудь?

— Не помню.

— Боль?

Я покачала головой.

— Нет.

— Чужое присутствие?

— Нет.

— Кто-нибудь обращался к вам перед этим?

— Нет.

Он некоторое время молчал.

— Вы уверены?

— Насколько вообще можно быть уверенной после того, как просыпаешься перед светящейся дверью в другой мир?

— Понимаю, что ситуация необычна.

— Вы удивительно спокойно это говорите.

— Мне помогает практика.

— Часто находите женщин из несуществующих миров возле пропавших пассажиров?

— Впервые.

На этот раз я почти улыбнулась.

Почти.

— Тогда практика у нас разная.

Рейнар коснулся поверхности стола. Перед ним возникло ещё несколько строк.

— Москва. Земля. Что такое Земля?

Вопрос прозвучал так обыденно, что я не сразу нашлась с ответом.

— Планета.

Он ждал продолжения.

— На ней живут люди.

— Только люди?

Я подумала о том, насколько странным стал сегодняшний день, если мне приходится объяснять Землю мужчине с золотистыми глазами на межмировом терминале.

— Насколько нам известно, разумная цивилизация одна.

— Портальная сеть?

— Нет.

— Связь с другими мирами?

— Нет.

— Официальные переходы?

— Я вообще узнала, что они существуют, минут двадцать назад.

Рейнар снова посмотрел на данные.

— Тогда как вы понимаете нашу речь?

— Хотела бы спросить то же самое.

— Вы не изучали общий язык?

— Я даже не знала, что существует общий язык.

— Но говорите свободно.

— С моей точки зрения, это вы почему-то говорите на русском.

Он впервые заметно нахмурился.

— На каком?

— На русском.

— Я говорю на центральном общем.

— А слышу я русский.

Некоторое время мы смотрели друг на друга.

Затем Рейнар что-то изменил на панели.

— Скажите любое слово вашего языка, которое не связано с терминалом.

— Зачем?

— Проверка.

Я огляделась.

— Берёза.

Он молчал.

— Что?

— Повторите.

— Берёза.

— Я слышу название дерева.

— Так и есть.

Он произнёс короткое слово, которое я слышала как «дерево».

— А теперь?

— Вы сказали «дерево».

Рейнар откинулся в кресле.

— Перевод терминала работает.

— Какой перевод?

— Пассажирские зоны адаптируют устную речь между зарегистрированными языками.

— Но мой язык у вас не зарегистрирован.

— Именно.

Вот и ещё одна невозможность.

Я устало потёрла пальцами висок и остановила себя на полпути. Не хотелось показывать ему, насколько происходящее выбивает меня из равновесия, хотя скрывать это уже было бессмысленно.

— В вашем мире всё сегодня решило перестать работать по правилам?

— Обычно терминал ведёт себя предсказуемо.

— Сегодня он потерял сорок три человека, не знает, откуда я пришла, но почему-то переводит мой язык.

— Именно это меня беспокоит.

Наконец-то мы полностью совпали во мнениях.

Дверь открылась.

Вошла женщина, которую я раньше не видела. Светлые волосы собраны так аккуратно, будто даже отдельная прядь считалась нарушением порядка. На ней была тёмно-серая форма без золотой отделки, зато с несколькими серебряными знаками на груди.

Она бросила на меня короткий оценивающий взгляд, затем передала Рейнару небольшой светящийся прямоугольник.

— Полные журналы седьмого направления.

— Уже?

— Принимающая сторона дала прямой доступ.

— Нарушения?

— Пока нет. Но есть расхождение.

Рейнар посмотрел на неё внимательнее.

— Какое?

Женщина перевела взгляд на меня.

— При ней?

— Говорите.

Она снова посмотрела на светящийся прямоугольник.

— Локальная система зарегистрировала сорок три входа в портал в 18:42:16.

Я непроизвольно вслушалась.

— Принимающая сторона получила запрос на прибытие в 18:42:17.

— Разница нормальная, — сказал Рейнар.

— Да. Но предварительная регистрация пассажиров в исходящем секторе завершена в 18:43:02.

Я не сразу поняла.

Потом выпрямилась.

— Подождите.

Они оба посмотрели на меня.

— Вы сказали, люди вошли в 18:42?

— Да, — ответила женщина.

— А регистрация закончилась в 18:43?

— Именно.

— То есть система утверждает, что их оформили после того, как они уже ушли?

— Она утверждает именно это.

Рейнар взял прямоугольник и быстро просмотрел данные.

— Метки времени могли сместиться?

— Я проверила синхронизацию. Все остальные события совпадают до долей секунды.

— Локальная ошибка?

— Только если она затронула исключительно эти записи.

Я подалась вперёд.

— А раньше они где были?

Женщина посмотрела на меня так, будто вопрос показался ей странным.

— Кто?

— Эти сорок три человека. До входа.

— В седьмом секторе.

— Все?

— Разумеется.

— Тогда почему вы сказали «предварительная регистрация»?

Она чуть прищурилась.

— Потому что так называется процедура.

— Я не о названии. Если система должна оформить человека перед отправлением, а у вас это произошло после, значит, либо время записано неправильно, либо порядок действий изменён.

— Это очевидно, — сухо сказала она.

— Тогда что именно вас удивляет?

Женщина посмотрела на Рейнара.

Он ответил вместо неё:

— То, что подобное изменение требует доступа к системному времени либо к самим журналам.

— А это сложно?

— Очень.

— Значит, кто-то мог поменять запись?

— Я сказал «требуется доступ». Не сказал, что запись изменили.

Я кивнула.

— Справедливо.

Женщина явно ожидала, что я продолжу спорить, но я замолчала.

Мне не хватало информации.

И впервые с момента появления здесь это ощущение не раздражало, а почти успокаивало. Недостаток данных был нормальной проблемой. Его можно было исправить.

Неизвестный мир — нет.

Но данные — да.

— Покажите последовательность, — сказала я.

Женщина подняла бровь.

— Простите?

— Вход. Регистрация. Открытие. Запрос на принимающую сторону. Всё по времени.

— Зачем?

— Хочу понять, что именно не сходится.

— Вы не сотрудник терминала.

— Я человек, который появился через одиннадцать секунд после исчезновения ваших пассажиров. Судя по последним двадцати минутам, это уже почти должность.

На лице женщины не дрогнул ни один мускул.

Рейнар посмотрел на неё.

— Покажите.

Она явно была не согласна, но возражать не стала.

Над столом развернулась новая плоскость. На ней появились строки с временными отметками.

Большая часть обозначений была мне незнакома, однако время и цифры система показывала понятно.

Я начала читать.

18:38 — открытие посадочного сектора.

18:39 — первичная проверка маршрута.

18:40 — подтверждение принимающей стороны.

18:41 — разрешение входа.

18:42:16 — вход сорока трёх пассажиров.

18:42:17 — запрос на прибытие.

18:42:27 — повторное раскрытие контура.

18:42:28 — появление меня.

18:43:02 — завершение предварительной регистрации.

Я прочитала ещё раз.

И ещё.

Рейнар наблюдал за мной.

— Что?

— Не знаю.

— Но что-то заметили.

Я ткнула пальцем в первую часть списка.

— Сколько времени обычно занимает регистрация?

Женщина ответила:

— Зависит от направления.

— Для этого?

— Несколько минут.

— Она начинается когда?

— До разрешения входа.

— Всегда?

— Да.

— Тогда здесь не просто перепутались две отметки.

Рейнар чуть подался вперёд.

— Объясните.

— Если люди получили разрешение на вход в 18:41, их регистрация уже должна была идти или закончиться. Но система показывает завершение в 18:43. Можно решить, что кто-то просто изменил время окончания. Только тогда зачем?

Женщина нахмурилась.

— Вы предполагаете намеренное вмешательство.

— Я пока вообще ничего не предполагаю. Просто если это случайная ошибка времени, она должна была затронуть не одну удобную строчку. А если ошибка не случайная, нужно понять, кому было выгодно сделать вид, что регистрация происходила позже.

— Сделать вид для кого?

— Для того, кто потом будет смотреть журнал.

В комнате стало тихо.

Мне очень хотелось добавить что-нибудь умное, но я остановилась.

Это была всего лишь гипотеза.

На Земле я видела достаточно ситуаций, когда странный журнал оказывался результатом банального сбоя, а не заговора века.

— Или я ошибаюсь, — сказала я. — Я не знаю вашей системы.

Женщина впервые посмотрела на меня без явного раздражения.

— По крайней мере это вы понимаете.

— Я многое понимаю. Просто пока не то, что хотелось бы.

Рейнар вернул ей устройство.

— Проверьте все события за час до открытия сектора. Не только портал. Доступ сотрудников, регистрацию, изменения маршрута, синхронизацию узлов.

— Уже начала.

— И отдельно всё, что связано с этой временной записью.

— Хорошо.

Она направилась к двери.

— Подождите, — сказал Рейнар.

Женщина остановилась.

— Представьте госпоже Вороновой.

На секунду мне показалось, что она удивилась сильнее, чем когда обнаружила невозможность во временных отметках.

— Мира Тейн. Внутренний контроль.

— Дарья Воронова. Нигде не зарегистрирована.

В уголке её рта едва заметно что-то дрогнуло.

— Это я уже поняла.

Она вышла.

— Очень дружелюбная женщина, — сказала я.

— Мира считает, что неизвестную переменную нужно изолировать до выяснения её свойств.

— А неизвестная переменная — это я.

— Да.

— А вы что считаете?

Рейнар некоторое время смотрел на меня.

— Что неизвестную переменную полезнее сначала понять.

Не уверена, что это было комплиментом.

Но по сравнению с «изолировать» звучало почти тепло.

Я посмотрела на пустое место в воздухе, где только что висел журнал.

— Вы ведь не думаете, что я могла изменить эти записи?

— Пока я не знаю, что вы можете.

— Я не умею пользоваться даже дверью в ваш кабинет.

— Она автоматическая.

— Тем более. Даже дверь делает больше меня.

На этот раз в его взгляде действительно мелькнуло что-то похожее на юмор.
Очень ненадолго.

— Вернёмся к Земле.

— А можно сначала ответить на один вопрос?

— Зависит от вопроса.

— Вы сказали, что терминал центральный. Центральный для чего?

Он чуть помолчал.

— Для маршрутов между зарегистрированными мирами.

— Сколько их?

— Много.

— Очень точный ответ.

— Вам сейчас не нужно знать точное число.

— Почему?

— Потому что оно не объяснит вашего появления.

— Зато поможет мне понять масштаб проблемы.

Рейнар постучал пальцем по столу.

— Сотни действующих направлений. Часть миров имеет несколько узлов.

Я молча смотрела на него.

Сотни.

Не один другой мир.

Не два.

Сотни направлений.

И среди них не было Земли.

До этой минуты какая-то часть меня всё ещё пыталась представить, что происходящее можно объяснить одним невероятным переносом в одно невероятное место.

Теперь масштаб стал больше.

Гораздо больше.

— И ни в одном из ваших архивов нет Земли?

— Я сказал, что её нет в действующем реестре.

Я сразу заметила формулировку.

— А в недействующем?

Рейнар чуть прищурился.

— Это будет проверено.

— То есть вы ещё не проверяли?

— Прошло меньше получаса с момента вашего появления.

Справедливо.

Я провела ладонью по краю стола.

— Тогда Москва может существовать под другим названием.

— Может.

— Земля тоже.

— Теоретически.

— Уже лучше.

— Не спешите радоваться.

— Не собиралась.

Перед нами снова появилась моя регистрационная запись.

Рейнар открыл несколько дополнительных полей.

Имя.

Возраст система почему-то не определила.

Происхождение — пусто.

Маршрут — пусто.

Точка отправления — не определена.

Время прибытия — 18:42:28.

Я нахмурилась.

— Стоп.

— Что?

— Вот это время.

— Ваше появление.

— Да.

Я сравнила его с журналом, который показывала Мира.

18:42:27 — повторное раскрытие.

18:42:28 — я.

Всё логично.

Почти.

— Система зарегистрировала меня как прибывшую?

— Да.

— Тогда почему в первой строке на платформе вы говорили, что меня будто нет в маршруте?

— Потому что прибытие и маршрут — разные записи.

— То есть она знает, что я появилась здесь в конкретную секунду, знает моё имя, переводит мой язык, но не знает, откуда я пришла.

— Именно.

— Это звучит как очень выборочная потеря памяти.

— Система не обладает памятью в человеческом смысле.

— Я сейчас не готова спорить о философии ваших табло.

Он проигнорировал замечание.

— Есть ещё одна странность.

Мне совершенно понравилось, как он это сказал.

— Какая?

— Обычно имя пассажира извлекается из его маршрутной записи.

— И?

— У вас маршрутной записи нет.

Я посмотрела на собственное имя.

ДАРЬЯ ВОРОНОВА.

— Тогда откуда оно взялось?

— Именно это я хотел спросить у вас.

— У меня?

— Вы могли уже проходить через терминал раньше?

Я рассмеялась.

Не потому, что было смешно.

— Поверьте, такое место я бы запомнила.

— Даже в детстве?

— Вы сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

Я задумалась.

Никаких провалов памяти, загадочных путешествий, исчезновений на несколько дней. Обычная жизнь. Обычная семья. Школа, университет, работа.

Никаких порталов.

— Нет.

— Уверены?

— Да.

— Кто-нибудь из вашей семьи рассказывал о подобных местах?

— Нет.

— О необычных исчезновениях?

— Нет.

— О происхождении из другого мира?

Я устало посмотрела на него.

— Рейнар, если бы моя семья поколениями скрывала существование межмирового вокзала, хотелось бы верить, что мне рассказали бы об этом до тридцати трёх лет.

Он впервые не поправил меня за слишком свободный тон.

— Тогда остаётся вопрос, каким образом терминал узнал ваше имя.

— У меня накопился целый список таких вопросов.

— У меня тоже.

Дверь снова открылась.

Я ожидала увидеть Миру, но вошёл тот сотрудник, который сопровождал нас от платформы.

— Господин Керн.

Рейнар повернулся к нему.

— Говорите.

— Есть результаты расширенного поиска по происхождению госпожи Вороновой.

Я невольно задержала дыхание, но тут же заставила себя спокойно выдохнуть.

— И?

— Ничего.

Одно слово.

Надежда, появившаяся после разговора о старых архивах, сразу стала значительно слабее.

— Проверяли варианты названия?

— Да. «Земля», «Москва», звуковые соответствия, возможные переводы, географические совпадения. Ни одного зарегистрированного мира или узла.

Рейнар спросил:

— Исторические базы?

— Идут.

— Потерянные направления?

— Тоже.

— Закрытые?

— Нужен дополнительный допуск.

— Получите через меня.

Сотрудник кивнул.

— Есть ещё кое-что.

Конечно.

Сегодня фраза «есть ещё кое-что» явно решила стать моим личным врагом.

— Что? — спросил Рейнар.

— Мы сверили временное расхождение, которое нашла инспектор Тейн.

— И?

— Исходный журнал и резервная копия совпадают.

Рейнар замолчал.

Я попыталась понять, почему это плохо.

— Если совпадают, значит, запись не меняли? — спросила я.

Сотрудник посмотрел на меня, затем на Рейнара.

Тот ответил:

— Скорее всего.

— Тогда система действительно зарегистрировала окончание проверки позже отправления.

— Да.

— Но так быть не должно.

— Не должно.

— Значит, одна часть системы считала, что пассажиры уже ушли, пока другая всё ещё считала, что их готовят к отправлению?

Рейнар медленно повернулся ко мне.

Сотрудник тоже.

Кажется, до этого они формулировали проблему иначе.

— Можно сказать и так, — произнёс Рейнар.

Я посмотрела на временные отметки.

Что-то в них не давало покоя.

В моей работе подобные несовпадения редко были просто красивой загадкой. Обычно за ними стояло что-нибудь неприятное: две системы получили разные данные, одна операция началась раньше завершения другой, информация пришла не в том порядке.

— А может быть так, что пассажиров было две группы?

— Нет.

— Почему?

— Система фиксирует каждого отдельно.

— Тогда не понимаю.

— Это нормально.

Я подняла глаза.

— Что именно?

— Вы здесь меньше часа.

— Спасибо за поддержку.

— Это факт.

Он встал.

— На сегодня достаточно.

— На сегодня?

— Для первого разговора.

— И что теперь?

— Вы останетесь на территории терминала.

— Какая неожиданность.

— До выяснения обстоятельств вы не сможете покинуть центральный сектор без сопровождения.

— То есть всё-таки арестована.

— Нет.

— Просто не могу уйти.

— Вам некуда уходить.

Эта фраза попала точнее, чем он, вероятно, собирался.

Я замолчала.

Потому что возразить было нечего.

Я действительно не знала, куда могла бы уйти.

За дверями этой комнаты находился огромный терминал с сотнями направлений в миры, о существовании которых я утром не подозревала.

А моего собственного мира не было ни на одном указателе.

Наверное, Рейнар заметил мою реакцию, потому что голос его стал немного мягче.

— Вам предоставят помещение и всё необходимое на время проверки.

— Как долго?

— Не знаю.

— День?

— Не знаю.

— Неделю?

— Дарья.

— Да?

— Я не буду придумывать срок, чтобы вас успокоить.

Несмотря ни на что, это мне понравилось.

Лучше неприятная честность, чем удобная ложь.

Я поднялась.

— Тогда хотя бы скажите, что будет с сорока тремя пассажирами.

— Поиск продолжится.

— И если найдёте связь с моим появлением?

— Тогда вы узнаете об этом одной из первых.

— Почему одной из?

— Потому что сначала я хочу понять её сам.

Он направился к двери, но остановился, когда панель на столе издала негромкий сигнал.

На ней появилась новая запись.

Рейнар вернулся.

Я тоже посмотрела.

Это был тот самый журнал отправления.

Рядом с основной временной отметкой возникло дополнительное поле, которого раньше не было.

ИСХОДНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ: 18:41:04.

Ниже:

ПОВТОРНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ: 18:43:02.

Я нахмурилась.

— Значит, регистраций всё-таки было две.

Рейнар не ответил.

Он быстро открыл дополнительные данные.

Первая регистрация произошла до входа пассажиров, как и должна была.

Вторая — после.

— Зачем регистрировать уже ушедших людей повторно? — спросила я.

— Незачем.

— Тогда кто это сделал?

— Пока неизвестно.

Я снова посмотрела на список.

И именно тогда заметила то, что сначала показалось обычной технической строкой.

У первой регистрации стояло место:

СЕКТОР 7.

У второй:

СЕКТОР 3.

Я указала на экран.

— Они находились в третьем секторе?

— Нет.

— Тогда почему система считает, что их зарегистрировали там после исчезновения?
Рейнар замер.

Несколько секунд он смотрел на запись, словно надеялся увидеть другой ответ.

Потом вызвал на панели карту.

Седьмой сектор оказался в одной части терминала.

Третий — далеко от него.

— Они не могли оказаться там физически? — спросила я.

— Нет.

— Камеры?

— Проверим.

— Пропуски?

— Проверим.

— Но система утверждает, что они одновременно уже прошли через портал и находились в другом секторе.

— Да.

Я посмотрела на него.

— Тогда у вас проблема не только со мной.

Рейнар медленно поднял глаза.

Теперь в них снова появилась та самая настороженность, которую я увидела на платформе после проверки моего происхождения.

Только на этот раз она была направлена не на меня.

— Похоже, — сказал он, — у нас две проблемы.

— Какие?

Он закрыл карту и снова открыл журнал.

— Первая — сорок три пассажира, которые по данным терминала находились одновременно в двух разных местах.

Его взгляд остановился на моей регистрационной карточке.

— Вторая — вы.

— Очень лестно.

— И пока я не понимаю, связаны ли они.

Он сделал паузу, а затем произнёс уже совсем другим тоном:

— Есть только два объяснения. Либо кто-то сумел обмануть систему так, как раньше никто не делал...

Я ждала продолжения.

Рейнар посмотрел на временные отметки.

— ...либо сегодня Межмировой терминал впервые солгал нам сам.

Глава 3. ДЕВЯНОСТО СЕМЬ СЕКУНД

Фраза Рейнара повисла между нами, но долго обсуждать способность Межмирового терминала лгать нам не дали.

Панель на столе снова ожила. На этот раз сигнал был другим — коротким и настойчивым. Рейнар перевёл взгляд на появившиеся строки, и выражение его лица изменилось едва заметно, однако мне уже хватало опыта, чтобы понять: пришло что-то важное.

— Нашли запись из третьего сектора? — спросила я.

— Нет.

Он провёл пальцами по поверхности.

— Инспектор Тейн просит меня в диспетчерскую. Проверка журналов началась.

— Отлично. Значит, идём туда.

Рейнар поднял на меня глаза.

— Я иду туда.

— А я?

— Вы — в выделенное вам помещение.

Я несколько секунд смотрела на него, пытаюсь понять, всерьёз ли он рассчитывает закончить разговор именно так.

— Две минуты назад мы выяснили, что сорок три человека одновременно числятся в двух секторах, а ещё раньше ваша система не смогла определить, откуда я появилась. И теперь вы предлагаете мне спокойно уйти отдыхать?

— Я предлагаю вам оставаться там, где служба безопасности сможет вас найти.

— Вы и здесь прекрасно меня находите.

— Дарья.

По тому, как он произнёс моё имя, стало ясно: спорить он готов, но выигрывать спор собирается исключительно временем и терпением.

Я встала.

— Хорошо. Тогда хотя бы объясните, где находится это ваше «выделенное помещение».

Рейнар коснулся панели у двери.

— Вас проводят.

— Лично вы?

— Нет.

— Жаль. Я почти привыкла к вашему гостеприимству.

В его взгляде снова мелькнуло то краткое выражение, которое я уже начинала распознавать как местную разновидность юмора.

— Вы удивительно быстро осваиваетесь.

— Я удивительно хорошо делаю вид.

На этот раз он ничего не ответил.

И почему-то именно молчание оказалось честнее любой успокаивающей фразы.

Я действительно держалась главным образом потому, что стоило позволить себе всерьёз подумать о Земле, Москве и людях, которые наверняка уже начали искать меня, как внутренний порядок рассыпался. Пока существовали табло, цифры, маршруты и проблемы, которые можно было раскладывать на последовательные действия, я хотя бы понимала, что делать со следующей минутой.

Что делать со всей остальной жизнью, я понятия не имела.

Дверь открылась, и тот же сотрудник безопасности, который сопровождал нас раньше, сделал приглашающий жест.

— Госпожа Воронова.

Я задержалась у порога.

— Рейнар.

Он уже просматривал новые данные, но поднял голову.

— Если найдёте что-нибудь о тех сорока трёх, я хочу знать.

— Если информация будет относиться к вам, узнаете.

— Это не совсем то, что я попросила.

— Я заметил.

На этом разговор явно закончился.

Я вышла в коридор.

Сотрудник безопасности двинулся рядом. Имени его я до сих пор не знала и решила, что сейчас это не самая большая проблема.

— Далеко? — спросила я.

— Несколько переходов.

— Здесь всё измеряется переходами?

Он посмотрел на меня так, словно не понял, шучу ли я.

— Внутри терминала это удобнее.

— Значит, да.

Коридор вывел нас обратно в главный зал, но не туда, где находилась седьмая платформа. Мы шли по верхней галерее, откуда терминал был виден почти целиком.

И вот здесь я впервые по-настоящему почувствовала его масштаб.

Снизу расходились десятки направлений. Огромные арки стояли на разных уровнях, соединённые переходами и широкими лестницами. Над каждой висело табло. Одни порталы были тёмными, другие мерцали, третьи уже пропускали пассажиров.

Где-то вдалеке из ярко-зелёного света вышла группа людей в длинных серых плащах. Возле другой арки рабочие перекачивали платформу с высокими ящиками. Поток пассажиров огибал закрытый сектор по новым светящимся линиям, и я поймала себя на том, что автоматически оцениваю, где образуется узкое место, если перенаправление продлится ещё хотя бы полчаса.

Привычка оказалась сильнее здравого смысла.

— Почему их ведут через центральный проход? — спросила я.

Мой сопровождающий повернулся.

— Кого?

Я указала вниз.

— Поток из той галереи. Им приходится пересекать два встречных направления. Разве нельзя открыть боковой коридор?

Он посмотрел туда, куда я показывала.

— Боковой коридор относится к служебному сектору.

— Понятно.

— Почему спрашиваете?

— Потому что через десять минут там будет толпа.

Он снова посмотрел вниз.

Не знаю, увидел ли то же самое, что и я, но через несколько секунд коснулся браслета на запястье и тихо произнёс несколько фраз. Почти сразу часть светящихся линий изменила направление.

Я ничего не сказала.

Он тоже.

Мы продолжили путь.

Через одну галерею стало заметно спокойнее. Здесь пассажиров было меньше, а порталы располагались дальше друг от друга. Над ближайшей аркой горела цифра четыре.

Я успела посмотреть на табло всего секунду.
Потом услышала голос.
Не рядом.
Не сверху.
И даже не совсем в голове.
Он возник сразу как смысл, без звука и интонации, будто кто-то вложил в сознание уже готовую фразу.

НАРУШЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ КОНТУРА.

Я остановилась.
Сотрудник сделал ещё два шага и обернулся.
— Что случилось?
Я не ответила.

Перед глазами словно проступила вторая строка.

ДО КРИТИЧЕСКОГО ПОРОГА: 97 СЕКУНД.

Я резко посмотрела на портал номер четыре.
Он выглядел совершенно нормально.

Внутри арки дрожал ровный голубоватый свет. Перед ней стояла небольшая очередь. Сотрудница в светлой форме проверяла данные пассажиров. Двое уже прошли за ограничительную линию и ждали разрешения на вход.

— Вы это слышали? — спросила я.

— Что именно?

— Предупреждение.

Он нахмурился.

— Какое предупреждение?

Я оглянулась.

Никто не бежал.

Никакие тревожные сигналы не звучали.

На табло не появилось красных строк.

Пассажиры разговаривали, сотрудники работали, портал мерцал так же спокойно, как несколько секунд назад.

Может быть, мне действительно показалось.

После всего, что произошло за последний час, мозг вполне мог начать выдавать собственные дополнения к реальности.

Но затем цифра изменилась.

91.

Я не увидела её глазами.

Я просто знала.

— Портал четыре, — сказала я. — С ним что-то не так.

Сотрудник посмотрел на арку.

— Индикаторы в норме.

87.

— Закройте его.

— На каком основании?

— Я не знаю.

Он нахмурился сильнее.

— Госпожа Воронова...

— Я серьёзно. Остановите посадку.

— Система не показывает нарушений.

Я уже двигалась к платформе.

Он мгновенно оказался рядом.

— Вам нельзя менять маршрут сопровождения.

— Тогда меняйте его вместе со мной.

— Остановитесь.

Я остановилась только потому, что поняла: если начну прорываться мимо сотрудника безопасности на чужой станции, мои шансы убедить хоть кого-нибудь резко уменьшатся.

79.

— Свяжитесь с Рейнаром.

— Зачем?

— Скажите ему, что у четвёртого портала проблема со стабильностью контура.

Теперь в его лице появилось настоящее внимание.

— Откуда вы знаете термин?

Хороший вопрос.

Я его раньше не знала.

— Я только что его услышала.

— От кого?

— Если бы знала, разговор был бы намного проще.

Он смотрел на меня ещё секунду, а затем всё-таки коснулся браслета.

— Начальник Керн.

Ответ пришёл почти сразу.

Я не слышала голос Рейнара, только видела реакцию сотрудника.

— Госпожа Воронова утверждает, что у четвёртого портала нарушение стабильности контура.

Пауза.

— Нет, приборы не показывают отклонений.

Ещё одна.

— Понял.

Он опустил руку.

— Что сказал?

— Ждать его здесь.

67.

— У нас нет времени ждать.

— Он уже идёт.

Я посмотрела на платформу.

Очередь двигалась.

Один из пассажиров подошёл к самой арке.

— Остановите посадку хотя бы на минуту.

— Для остановки действующего перехода требуется причина.

— Скажите, что у вас подозрение.

— Моего подозрения нет.

— Тогда используйте моё.

— Вы не сотрудник станции.

— Я это уже слышала.

60.

Внутри стало неприятно пусто.

Если я ошибалась, максимум создам задержку и окончательно подтвержу мнение Миры Тейн о необходимости изолировать неизвестную переменную.

Если не ошибалась...

Я посмотрела на людей у портала.

— Сколько пассажиров успевает пройти за минуту?

— Это зависит от направления.

— Сейчас.

Он быстро оценил очередь.

— Пять или шесть.

Пять или шесть человек.

55.

— Остановите их.

— Не могу.

— Тогда найдите того, кто может.

— Рейнар уже идёт.

Я стиснула зубы.

Раньше я терпеть не могла пассажиров, которые требовали от сотрудника нарушить процедуру только потому, что им самим ситуация казалась срочной.

Теперь я была именно таким пассажиром.

И это раздражало почти так же сильно, как отсчёт, который никто кроме меня не слышал.

На платформу вышел следующий человек.

Сотрудница проверила его данные.

— Пятьдесят секунд, — сказала я.

Мой сопровождающий повернулся.

— Что?

— До критического порога. Сначала было девяносто семь. Сейчас пятьдесят.

Он посмотрел на портал.

— Вы видите таймер?

— Нет.

— Тогда как...

— Не знаю!

Голос прозвучал громче, чем хотелось.

Несколько пассажиров обернулись.

Я понизила тон.

— Не знаю. Я просто слышу сообщение. Точнее, не слышу даже. Оно возникает у меня в голове вместе с цифрой.

Это впервые прозвучало настолько безумно, насколько и было.

Сотрудник уже открывал рот, когда с другой стороны галереи появился Рейнар.

Он шёл быстро.

Не бежал, но окружающие сами уступали дорогу.

— Что происходит?

— Она утверждает, что слышит предупреждение системы, — сказал сотрудник.

Рейнар посмотрел на меня.

— Какое?

43.

— Нарушение стабильности контура. До критического порога сорок три секунды.

Он перевёл взгляд на портал.

— Показатели?

Сотрудник проверил браслет.

— В пределах нормы.

Рейнар подошёл к платформе и коснулся служебной панели у входа. Над ней открылось несколько строк.

— Стабилизация девяносто девять и восемь.

— Это хорошо? — спросила я.

— Практически идеально.

37.

— Тогда почему я слышу обратное?

— Именно это я пытаюсь понять.

Пассажир у арки получил разрешение.

— Стойте, — сказала я.

Он оглянулся.

Сотрудница на платформе недовольно посмотрела на меня.

Рейнар не отдал команды остановить посадку.

— Тридцать четыре секунды.

— Дарья, — произнёс он спокойно. — Мне нужны основания.

— У меня их нет.

— Тогда вы понимаете моё положение.

— Прекрасно понимаю. Если вы остановите портал из-за женщины, появившейся час назад неизвестно откуда, а ничего не произойдёт, объясняться придётся вам.

Он молчал.

— Но если не остановите и я права, объясняться будет поздно.

29.

Рейнар снова посмотрел на показатели.

Ничего.

На табло — обычное расписание.

Перед аркой — пассажиры.

Я увидела девочку лет десяти, державшую мужчину за руку. Они стояли вторыми в очереди.

Мне стало всё равно, насколько убедительно я выгляжу.

— Двадцать семь.

Рейнар повернулся к сотруднице платформы.

— Приостановить посадку.

Она замерла.

— Господин Керн, переход открыт. Следующее окно через...

— Я сказал: приостановить.

Сотрудница немедленно коснулась панели.

Перед порталом вспыхнула золотистая черта.

Пассажир, уже собиравшийся войти, недовольно отступил.

В очереди зашумели.

— Причина задержки? — спросила сотрудница.

Рейнар посмотрел на меня.

— Проверка безопасности.

Ни слова обо мне.

Я это отметила, хотя сейчас было не до благодарности.

20.

Ничего не происходило.

Портал продолжал сиять ровно.

Девятнадцать.

Восемнадцать.

Я смотрела на арку, пытаясь заметить хотя бы малейшее изменение.

— Может быть, отсчёт остановился? — спросил сопровождавший меня мужчина.

— Нет.

14.

Рейнар стоял рядом.

— Сколько?

— Четырнадцать.

Он повернулся к платформе.

— Освободить зону перед контуром.

Теперь возмущение пассажиров стало громче.

— Всем отойти за вторую линию, — приказала сотрудница.

Люди начали двигаться.

10.

Я заметила, что Рейнар остался рядом с аркой.

— Вы тоже.

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Отойдите.

— Дарья...

— Если вы мне достаточно поверили, чтобы остановить портал, поверьте ещё на десять метров.

На этот раз он не спорил.

Мы отошли.

6.

Свет внутри арки дрогнул.

Совсем чуть-чуть.

Настолько, что я могла принять это за обычное движение поверхности.

Но Рейнар тоже увидел.

— Контроль, показатели четвёртого! — резко произнёс он.

Ответ пришёл из его браслета.

— Стабилизация девяносто девять и семь. Отклонений нет.

4.

По золотистому краю портала прошла тонкая чёрная линия.

— Закрыть контур! — приказал Рейнар.

Сотрудница ударила ладонью по панели.

Сияние начало сжиматься.

2.

Чёрная линия раздвоилось.

А потом всё произошло одновременно.

Портал вспыхнул ослепительно белым светом, арка содрогнулась, и по залу прошёл низкий гул, который я почувствовала даже ступнями. Светящаяся поверхность выгнулась наружу, будто кто-то изнутри на мгновение толкнул её огромной ладонью.

Люди закричали и попятились.

Рейнар шагнул вперёд.

— Полное отсечение!

— Не отвечает! — крикнула сотрудница.

На служебной панели наконец вспыхнули красные строки.

Слишком поздно.

Я смотрела на них и ощущала почти физическую ярость.

Система только сейчас заметила то, о чём предупреждала меня полторы минуты назад.

Рейнар оказался у пульта. Его пальцы двигались по символам быстро и точно.

— Резервный контур.

— Подключён!

— Увести нагрузку на пятый узел.

— Пятый занят переходом!

— Прервать его до открытия. Сейчас.

Вдалеке одно из табло сменило цвет.

Портал номер четыре снова содрогнулся.

Я ничего не понимала в энергетических контурах, зато прекрасно знала, что происходит с людьми, когда привычный маршрут внезапно становится опасной зоной.

Половина пассажиров уже отступила.

Остальные столпились у выхода.

— Не туда! — крикнула я сотруднику, который пытался увести людей через ближайший проход. — Вы столкнёте два потока!

Он даже не посмотрел на меня.

Я схватила за рукав своего сопровождающего.

— Откройте боковой коридор!

— Он служебный.

— Именно поэтому там сейчас пусто!

Он колебался.

— Если людей поведут через центральный проход, они пересекутся с теми, кого уже перенаправили после закрытия седьмого сектора.

До него дошло.

Он коснулся браслета.

Через несколько секунд справа вспыхнула новая линия, ведущая в закрытый раньше коридор.

— Сюда! — крикнул один из сотрудников.

Поток начал уходить.

В это время портал наконец схлопнулся.

Не плавно, как на седьмой платформе.

Свет резко исчез, будто его выдернули из пространства.

Осталась только пустая каменная арка.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом зал взорвался голосами.

Рейнар первым вернул контроль.

— Проверить платформу. Все журналы сохранить. Никого из сотрудников четвёртого сектора не отпускать до опроса. Принимающий узел уведомить о техническом закрытии.

Он повернулся к женщине за пультом.

— Пострадавшие?

— Нет.

Я выдохнула.

Вот только сейчас поняла, насколько сильно была напряжена.

Пять или шесть человек могли войти туда за ту минуту, которую я потратила на спор.

Возможно, ничего бы с ними не случилось.

Возможно.

Но никто здесь явно не собирался проверять эту возможность.

Рейнар подошёл ко мне.

— Девяносто семь?

— Что?

— Вы сказали, что первый отсчёт был девяносто семь секунд.

— Да.

— С момента, когда слышали предупреждение?
— Думаю, да.
— Точная формулировка?
Я закрыла глаза на пару секунд, восстанавливая в памяти странное ощущение.
— «Нарушение стабильности контура». Потом — «до критического порога девяносто семь секунд».
— Голос?
— Нет.
— Что значит «нет»?
— Я не слышала звука. Просто знала фразу.
Он внимательно смотрел на меня.
— Вы видели её?
— Тоже нет.
— Значит, информация возникла непосредственно у вас в сознании.
— Мне самой совершенно не нравится, как это звучит.
— Мне тоже.
Сотрудница платформы подошла к нам.
Лицо у неё стало намного бледнее, чем раньше.
— Господин Керн.
— Что?
Она протянула ему светящуюся панель.
— Мы нашли первичный сбой.
Рейнар просмотрел запись.
— Время?
— За девяносто пять секунд до официальной тревоги.
Он поднял глаза на меня.
Я почувствовала, как внутри всё холодеет.
— Это примерно совпадает, — сказала я.
— Не примерно.
Он повернул панель ко мне.
На ней была временная отметка.
Я сопоставила её с моментом, когда мы вошли в галерею.
Разница составляла считанные секунды.
— Почему система не подала тревогу? — спросила я.
Сотрудница ответила:
— Потому что отклонение было ниже порога регистрации.
— Но оно росло.
— Да.
— А кто-то всё равно знал, что через девяносто семь секунд оно станет критическим.
Она посмотрела на Рейнара.
Тот не ответил.
Я посмотрела на пустую арку портала.
— Кто?
— Хороший вопрос, — сказал он.
— Не уходите в профессиональную загадочность. Если терминал сам мог это рассчитать, почему не предупредил ваших сотрудников?
— Именно это мы сейчас выясним.
Я едва не рассмеялась.
— Кажется, это сегодня ваша любимая фраза.

— Сегодня она слишком часто уместна.
Он вызвал кого-то через браслет.
— Мира. Нужен полный журнал четвёртого сектора за последние два часа. Отдельно — все фоновые диагностические сообщения, включая те, которые система не вывела персоналу.
Ответ я не слышала.
— Да. Срочно.
Он отключил связь.
— Пойдёмте.
— Снова в комнату?
— Нет.
— Куда?
— В диагностический сектор.
— А моё выделенное помещение?
— Подождёт.
Я посмотрела на него.
— Наконец-то повышение.
— Не обольщайтесь.
Мы двинулись по галерее обратно.
Теперь никто меня не сопровождал отдельно. Рейнар шёл рядом сам.
Разница была небольшой, но я её заметила.
Пассажиры уже возвращались к обычным маршрутам. Сотрудники проверяли платформу. Несколько человек бросали на нас любопытные взгляды.
Я пыталась разобраться в произошедшем.
Терминал каким-то образом знал моё имя.
Переводил язык мира, которого не существовало в его реестре.
Не понимал, откуда я появилась.
А теперь предупредил меня о сбое раньше, чем собственную службу.
Слишком много невозможностей для одного часа.
— Рейнар.
— Да?
— Вы ведь по-прежнему считаете меня потенциальной угрозой?
Он не ответил сразу.
— Я считаю, что не понимаю природу вашей связи с терминалом.
— Очень дипломатично.
— Зато точно.
— А если бы я не настояла на остановке портала?
Он посмотрел вперёд.
— Тогда через некоторое время система всё равно зарегистрировала бы критическое отклонение.
— Через некоторое время — это когда?
— Судя по журналу, примерно за четыре секунды до выхода контура из безопасного диапазона.
Я вспомнила девочку в очереди.
Четыре секунды.
— Не слишком щедро.
— Нет.
В его голосе появилась жёсткость.
Не против меня.
Против самого факта.

— Такое раньше происходило?

— Нет.

— Сегодня у вас вообще удивительно богатый день на «нет».

— Согласен.

Мы вошли в служебный коридор. Здесь было тише.

Я сделала ещё несколько шагов, когда снова почувствовала это.

Беззвучное присутствие информации.

Я остановилась настолько резко, что Рейнар прошёл немного вперёд и обернулся.

— Что?

Перед внутренним взглядом не было цифр.

Только короткая строка.

ПРОВЕРКА ОПЕРАТОРА.

Я не успела ничего сказать.

Фраза исчезла.

Вместо неё появилась новая.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕ ЗАВЕРШЕНА.

— Дарья?

Я подняла руку.

— Подождите.

Рейнар замолчал.

Ещё одна строка.

И на этот раз от неё стало по-настоящему неуютно.

ОПЕРАТОР НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН.

Сообщение исчезло так же внезапно, как появилось.

Я открыла глаза.

Рейнар стоял в нескольких шагах и внимательно смотрел на меня.

— Что вы слышали?

— Кажется, — медленно сказа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.